

СЛОВО – ЭТО ЖИВАЯ ВОДА!

ИНТЕРВЬЮ

– Виктор Трифионович, в вашей книге «Просверк клинка», написанной в жанре документальной прозы, собраны произведения разных лет, в которых главным образом раскрыта тема труда, непростой жизни и работы в море. В предисловии вы говорите, что книга во многом автобиографична. В таком случае какое из произведений, для вас наиболее близко, наиболее сильно затрагивает ваши чувства?

– Татьяна Владимировна, читая книгу или просто листая её, вы, наверное, обратили внимание, что одно из четырёх произведений в книге никаким образом не связано с морем. Это – *хроника одной бригады «Преодоление»*. В ней рассказывается о строителях Всесоюзной ударной комсомольской стройки – Алтайского коксохимического завода на станции Заринская (110 километров от Барнаула, теперь – город Заринск). Эта повесть, или, как я называю, *хроника одной бригады*, написана в том же ключе документальной прозы, что и другие произведения, но среди них именно она, как вы говорите, «наиболее сильно затрагивает мои чувства».

И вот почему. После её публикации в альманахе «Алтай» алтайская прокуратура и КРУ (Краевое ревизионное управление) возбудили против меня псевдодело, которое длилось почти два года. И почти два года я жил «по подписке о невыезде» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Потом написал об этом повесть «Огонь молчания», которая в 2014 году вышла отдельной книгой в Пекине в издательстве «Народная литература». Вообще, я тогда не очень понимал, за что на меня «наехала» алтайская прокуратура. Тем более что в собкоры краевой газеты «Молодёжь Алтая» меня взяли из плотников-бетонщиков, выдернули из котлована по прямой указке строительного отдела крайкома КПСС и крайкома ВЛКСМ. И только сейчас, готовя к изданию *хронику «Преодоление»*, обратил внимание, что

портреты героев повести написаны, что называется, с натуры. И вот это с натуры, очевидно, стало камнем преткновения. Начальство обеспокоилось, что вся эта подлинность характеров: с приписками, разгильдяйством и показухой на Всесоюзной комсомольской стройке, взятые из реальной жизни, – плохой пример для подрастающего поколения молодых строителей светлого будущего. И моё псевдодело стало наглядным уроком для понимания – где масть, а где козырная власть.

Василий Макарович Шукшин стороной обходил Алтайский крайком КПСС. Шукшина при жизни там не любили. В народном фильме Василия Макаровича «Калина красная» есть эпизод, когда к Егору Прокудину – вору-рецидивисту (главному герою фильма) выходит прилизанный и набриолиненный местный ресторатор (артист Дуров) и приподнято сообщает, что можно заходить – народ к разврату готов! В *хронике одной бригады* «Преодоление» барнаульские идеологи КПСС, очевидно, усмотрели конкретные факты и даже методы разврата трудового народа, причём не где-то, а на святая святых – на Всесоюзной ударной комсомольской стройке «Коксохим». Естественно, они, как идеологи, лучше других понимали происходящее. В общем, если бы не начало Горбачёвской перестройки и не вмешательство писателей С.В. Михалкова, С.В. Сартакова, Э.И. Сафонова и других (меня начали прессовать следователи алтайской прокуратуры, когда я уже учился в Москве на Высших литературных курсах), то, наверное, сейчас уже бы и косточки истлели. Ну да ладно.

– В одном из своих интервью вы говорите от имени дальневосточников и сибиряков, участвовавших в комсомольских стройках: «Мы смотрели на мир с чувством тонкой иронии, но и надежды». Изменился ли ваш взгляд на окружающую жизнь?

– Изменился. *Надежду* трогать не будем, как известно, она умирает последней. А вот чувство «тонкой иронии» во многом уступило своё место горечи. Не могу сказать, что чувство горечи наступило мгновенно – в какой-то час, день или месяц под воздействием какого-то экстраординарного события. Нет. У меня этот процесс был долгим. Факты сами собой

накапливались.

30 декабря 1999 года мы с женой (Галиной Михайловной Слипенчук) отправились на Святую землю, чтобы встретить там двухтысячелетие Господа Бога нашего Иисуса Христа. В тот год многие из верующих и неверующих побывали на Святой земле. Мы с женой планировали поездку на две недели, но по стечению обстоятельств поездка растянулась ровно на сорок дней. Я написал *дневник-путешествие* о поездке «Золотой короб», который был издан в Москве издательством «Городец» в 2004 году. Вот несколько отрывков из этой книги о посещении книжного магазина в городе Арад.

«Под натиском интеллектуалов дверь почти не закрывается. Интеллектуалы – в основном старшеклассники. Всюду русская речь. Специальные справочники и словари буквально сметаются с полок. С трудом проталкиваемся к отделу художественной литературы. Сергей Довлатов. «Чемодан», *сборник рассказов из ленинградской жизни*. Подаю книгу жене. Пока вникает, беру ещё одну – «Заповедник».

На кассе состоялся импровизированный разговор: вопросы – ответы. Кто мы? Откуда? С какой целью в Араде? Мы тоже не стеснялись, спрашивали всё, что интересовало.

Оказалось, что в Араде, и в Беэр-Шеве, и везде (потому что у кого-нибудь в классе обязательно есть родственники и знакомые и в Хайфе, и Тель-Авиве, и Иерусалиме) самые умные в Израиле – это они, русские (приехавшие из СССР). Во всех классах и во всех школах к каждому русскому прикрепляют из местных или иммигрантов из других стран по два-три человека неуспевающих. Сейчас многие местные сами добровольно учат русский язык, потому что советские русские учебники и справочники – самые лучшие и самые дешёвые в мире».

Это всё происходило в начале 2001 года, а в 2002-м у нас в России уже стал внедряться новый метод обучения, который в нашем сознании связан с ЕГЭ. Эта общеобразовательная система ЕГЭ, совершенно у нас не опробованная, стала внедряться, а лучшая в мире советская

общеобразовательная система (ведь не на пустом месте ещё двадцать пять лет назад наша страна была самой читающей в мире) стала предаваться забвению. Отсюда горечь. Потому что Болонская конвенция, к которой мы присоединились (двухуровневое образование – бакалавр, магистр), ничего нам не дала, кроме унижительных рейтингов. И это в то время, когда советское образование реально было сильнее европейского.

Или вспомните, с каким трудом наша страна, скажем так, переварила Гражданскую войну, коллективизацию, индустриализацию, Отечественную войну?! Сколько человеческих жизней было потрачено?! В общем, только-только мы, как атомную бомбу, переварили социализм и он уже начал работать на нас, советских людей, как нам снова подсунули очень «новый» социальный строй – капитализм. Как говорят в народе, бились-бились с ним (капитализмом) – пока не сравнялись. Как же тут без горечи?! Но всё же надежда на лучшее не умирает и не умрёт, пока жив человек. В этом я убеждён.

– «Ушедшее время» – насколько оно важно для понимания сегодняшней действительности? Ведь, как говорится, меняются времена – меняются нравы и люди. Изменился ли сегодняшний читатель? Для кого вы в первую очередь пишете?

– Сразу три вопроса. Впрочем, на первый из них – о важности ушедшего времени для понимания сегодняшней действительности – в какой-то степени уже ответил.

Важна точка отсчёта, всё постигается в сравнении с тем, что было. Советское образование мало того что было лучшим, оно ещё было и бесплатным. Зато теперь по Болонской конвенции наше образование идентично европейскому, и это надо понимать. У них бакалавры и магистры – и у нас. Когда министр образования и науки РФ Д.В. Ливанов вошёл в должность, известный журналист Владимир Познер пригласил его в свою программу. Запомнилось, что журналист, выслушав как это хорошо: новое обучение, ЕГЭ и т.д., спросил господина министра: «А ваши дети, где учатся?» Возникла очень красноречивая пауза – господин министр напрягся,

покраснел и с нечеловеческой мукой в голосе выдал: «В Англии». Очевидно, опасался следующего изобличающего вопроса: «Как так, с ваших слов, у нас такое хорошее образование, а ваши дети учатся в Англии – почему?» Зря волновался министр. Изобличающего вопроса не последовало и не могло последовать, потому что Владимир Познер до корней волос европеец и ему было, наверное, приятно узнать, что дети министра, согласно Болонской конвенции, теперь могут получать образование в любом уголке Европы. Кстати так, к сведению, образование в Англии – одно из самых дорогих в Европе.

Далее вы говорите: «Меняются времена – меняются нравы и люди». И следом второй вопрос: изменился ли сегодняшний читатель? Так что преамбулу к вопросу я воспринял как наводящую подсказку. Но я не согласен с ней. Как раз в *дневнике одного рейса* «За мысом Поворотным» из книги «Просверк клинка» главный герой говорит: «Интересно, каким будет человек через сто лет? Учёные говорят: интеллект эволюционировал примерно миллион лет, но нет никаких свидетельств того, что он изменился за последние три тысячи лет. Возможно, древние греки при тестировании проявили бы такие же способности, как и современные люди». Мне как-то уже приходилось говорить, что эпоха – это всего лишь декорация, а человек практически не меняется, потому что в основе его поступков – хорошо известные мотивы. Любовь, ненависть, справедливость, алчность, сочувствие и так далее, именно это движет нашими поступками. Поэтому «Гамлет» и «Ромео и Джульетта» до слёз понятны нам, жителям XXI века.

Я недавно был в Казахстане, в городе Экибастузе, у меня там в городской библиотеке была встреча со старшеклассниками. Уверяю вас, читатель не изменился. Изменилось время – декорация. А реакция читателя на хорошую книгу такая же, какая была и у нас, – вполне объяснимое желание приобрести её для своей библиотеки.

Вопрос «для кого вы в первую очередь пишете?» в некотором смысле для меня утратил конкретное значение. Что-то подобное спрашивали в Экибастузе.

Мне в этом году в сентябре стукнет 75 лет – серьёзный возраст. Я с детства мечтал стать писателем. Многого не понимал, но мечтал. Мечты связывались с дальними островами, первопроходцами, рыцарством. И всё, что бы я ни делал, я старался усвоить как можно лучше, потому что знал – придёт время, и я напишу об этом. Из морей я вынужден был бежать, потому что мне, как моряку-профессионалу, уже пообещали квартиру в Находке.

Словом, писательство стало моим способом жизни. И я так и объяснял школьникам. Человек – водитель такси, или водитель автобуса, или врач. У каждого из них профессия определяет способ жизни. Водитель готовится к смене, к рейсу. Врач – к приёму больных, к операции. Писатель Антон Павлович Чехов был по профессии врачом. Михаил Афанасьевич Булгаков тоже... вспомните его «Записки врача». Настоящий писатель – это что-то или кто-то над, то есть находящийся над сознанием и разумом. Он иногда вторгается в сферы, не объяснимые наукой. Потому что Слово – это живая вода. Оно уступает кинематографическому изображению в широте поверхностного захвата чувств. Но оно проникает глубже, потому что своей сутью проникновения подключает к работе не только сознание и разум, но и что-то такое, что находится вне нас. Во всяком случае, умозрительно к этому всё больше и больше приходят учёные-физиологи. Сам для себя я объясняю это *подключением к ноосфере*.

У писателя, как и у любого другого человека, есть повседневная жизнь: обдумывание произведения, посещение архива, сбор информации, изучение предмета. Писатели, изучая предмет, бывают просто невыносимыми. Один из великих (обойдёмся без фамилий) зачастил к умирающему крестьянину. Так этого писателя в конце концов просто «попросили вон» и перестали пускать в дом. Но я отвлёкся.

В силу того, что писательство стало способом жизни, я в первую очередь пишу только о том, что взволнует меня. О чём, чтобы уже не разрушиться душевно, не могу не писать.

– Ваш сын сегодня – состоявшийся человек, депутат Государственной думы РФ, учёный, предприниматель. Совершает

арктические и антарктические экспедиции. На каких книгах вы его воспитывали? И почему, на ваш взгляд, молодое поколение перестало читать?

– Так получилось, что в возрасте, который требует воспитания со стороны родителей, я большей частью находился в отсутствии: армия, моря, Всесоюзная ударная комсомольская стройка. В общем, основное воспитание и сына, и дочери легло на мою жену Галину Михайловну Слипенчук. В письмах домой я, конечно, сообщал места рыболовных экспедиций, порты заходов в экзотические города и страны. Об этом есть в книге «Просверк клинка». То есть в выборе сыном профессии географа, в желании путешествовать какая-то моя заслуга, наверное, есть, но не через книги.

Однажды мы с Мишей рылись в моей домашней библиотеке и ему попались на глаза книги Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок». Одна книга старенькая, зачитанная, а другая нормальная. Миша полистал *нормальную* и говорит: «Помнишь, папа, ты привёз из Сингапура блок жевательных резинок?! Так вот всего за одну резинку я выменял эту, тогда новую книгу». Думаю, сей факт трудно отнести к *воспитанию на книгах*, но всё же какой-то намёк есть. Единственное, что всегда повторял детям: *никогда не делайте ничего плохого, плохое само получается – выскакивает из-за угла, когда его не ждёшь*. Но эту назидательную сентенцию я унаследовал от своего отца Трифона Аксентьевича Слипенчука, председателя колхоза РВС (Реввоенсовета) в селе Черниговка Приморского края. И ещё, достаточно долго поработав в морях в окружении стихии, пришёл к однозначному выводу – делать добро выгодно. Поэтому часто повторял своим детям: думайте лучше – и обязательно придёте к выводу, что делать добро людям, делать что-то хорошее намного выгоднее плохого.

С утверждением, что молодое поколение стало меньше читать, трудно не согласиться, если иметь в виду чтение художественной литературы. Но зато они больше читают литературы технической, познавательной. В наше время было меньше всяких соблазнов, не было Интернета, не было всевозможных социальных сетей, в которых можно было проводить свой

досуг, а сейчас всё это есть. Другое дело, что надо образовывать молодёжь, указывать, что не всё в Интернете достойно чтения. Что Интернет может быть простой помойной ямой. Но это другой вопрос.

Наши образование и культура – в широком смысле этих слов – до сих пор не определились, по каким критериям считать то или иное произведение достойным для введения его в школьную программу. Если оценивать произведения по всевозможным ежегодным *литературным премиям и театральным маскам*, то мы окончательно запутаемся в понимании, что такое хорошо и что такое плохо. Безболезненной будет привлекать к школьным программам произведения тех авторов, которые не были удостоены никаких наград. К сожалению, это не шутка.

– Каких произведений, какой литературы сегодня не хватает?

– Во все времена не хватало хороших произведений, хорошей литературы. А в наше время их катастрофическая нехватка объясняется, как я уже говорил, ещё и отсутствием понятных критериев.

Очень мало художественной литературы читают чиновники. Отсюда хаос в понимании критериев, *что такое хорошо и что такое плохо*. В своё время В.В. Маяковский написал одноимённое стихотворение на эту тему.

«Крошка сын к отцу пришёл, / и спросила кроха: / – Что такое хорошо / и что такое плохо?»

Для тех, кто думает, что достаточно объявить в стране Год литературы, Год кино – и всё само собой уладится без повседневной работы сопутствующих студий и министерств, напомню концовку вышеприведённого стихотворения.

«Помни это каждый сын. / Знай любой ребёнок: / вырастет из сына свин, / если сын – свинёнок. / Мальчик радостный пошёл, / и решила кроха: / «Буду делать хорошо, / и не буду – плохо».

Вот так входил в школьную программу обучения Владимир Владимирович Маяковский. Стихотворение датировано 1925 годом.

– Как вернуть интерес к книге, к бумажным носителям?

– На вопрос, созвучный вашему, Татьяна Владимировна, мне уже

доводилось отвечать. Только там упор корреспондента был сконцентрирован на мысли – заменят ли электронные носители бумажные? Мой ответ в газете «Аргументы недели» цитировали в других газетах, и на какое-то время даже возник повышенный интерес к моему сайту. Привожу тот свой ответ:

«Не техника объявляет: быть тому, что было, или оно навсегда упразднено, а сам человек. И чем больше в человеке будет человека, тем больше предметов, свидетелей его культуры, будет сопровождать его в жизни, потому что предметы культуры прошедших времён умеют разговаривать с культурным человеком и обогащать его духовно».

А теперь вернёмся к вашему вопросу – как вернуть интерес к книге, к бумажным носителям? А стоит ли возвращать?! Вот недавно по ТВ-каналу «Россия» прошло сообщение, что *Рэй Курцвейл, изобретатель, футуролог, технический директор Google*, заявил, что через 10 – 15 лет человечество научится бесконечно продлевать жизнь. Человечество справится со всеми заболеваниями, потому что по кровеносным сосудам будут курсировать нанороботы и бороться со всевозможными вредными факторами. Согласно его прогнозам, в сороковых годах темпы роста вычислительных устройств достигнут таких скоростей, что окажутся за гранью понимания человеком. И тогда появится искусственный интеллект – симбиоз человека и вычислительной машины.

Ему вторит *Николас Негропonte, основатель MIT Media Lab*. Он говорит, что потребление информации глазами весьма неэффективно и люди научатся «переваривать» информацию. Вы проглотите таблетку – и будете знать английский. (Заметьте, значит, и сегодняшние электронные носители – явление временное.) Проглотите таблетку – и изучите Шекспира. Всё будет делаться через кровообращение: как только вещество дойдёт до мозга и поймёт, что оно уже в мозге, – выгрузит информацию в нужных местах. При этом Ник Негропonte утверждает, что разговаривал с выдающимися учёными, работающими в этой области биомедицины, и они говорят, что это не такая уж и фантастика.

Вот что нас ждёт. Так что на этом фоне беспокоиться о возврате к бумажным носителям не представляется никакой возможности. Правда, меня

во всём этом больше всего поразило, что Рэймонд Курцвейл, чтобы дожить до момента, когда человечество научится бесконечно продлевать жизнь, уже сегодня употребляет в качестве биодобавок сто таблеток в день. Ему сейчас стукнуло 68 лет. В Интернете есть его фото. Может, здесь вина фотографа, но мне показалось, что ему, чтобы дожить до заветной технологической сингулярности (время, когда проглотить таблетку – и ты гений), надо удвоить ежедневное употребление биодобавок.

В своём фантастическом романе «Звёздный Спас» я привожу легенду соловецкого узника Димитрия (СУД), в которой предпочтение отдано обычному человеку, а не искусственному интеллекту. Почему? Адрес легенды СУД известен. А я хочу вернуться к тому, что не техника объявляет, быть тому, что было, или оно навсегда упразднено, а сам человек.

– Вы пишете, что сегодня история – это предмет первой необходимости. В преддверии Дня Великой Победы это особенно актуально?

– Да, в преддверии Великой Победы особенно актуально. С первого дня развала СССР и образования СНГ все мы ждали от СНГ судьбоносных решений. Но всё там делается с опозданием или вообще ничего не делается. Лично я хочу, чтобы Совет глав государств СНГ принял договор о едином отношении всех участников СНГ к Победе в Великой Отечественной войне. Неважно, что кто-то не подпишет договор, но спросить надо всех, в том числе и страны, спрятавшиеся под зонтиком НАТО, и страны, мечтающие об этом зонтике. Думаю, когда будет такой договор, несколько поубавится желание переписывать историю. И это надо делать, пока ещё живы участники войны и у нас, и в странах Европы и Америки. Пока ещё простые люди в состоянии сказать своё веское слово. (Награды офицеру Прохоренко, погибшему при освобождении сирийской Пальмиры, от французской семьи Маге из Монпелье.)

– Расскажите, как давно вы живёте в Москве? Как, на ваш взгляд, меняется город? Не возникает ли желания написать очерк о сегодняшней Москве, о жизни в столице?

– В Москве я прописан с марта 1996 года. Но поначалу мы с женой жили в Зеленограде. Потом, спустя четыре года, переехали на Воробьёвы горы, район метро «Университет». Москву советских времён знаю достаточно хорошо, с 1983 по 1985 год учился на ВЛК, Высших литературных курсах. Живя в Новгороде Великом, часто бывал в Москве и проездом, и по делам – у меня здесь издавались книги. Кроме того, в качестве собкора Новгорода и Пскова я работал в газете «Федерация», которую тогда курировал Рамазан Гаджимурадович Абдулатипов (ныне глава Республики Дагестан). В моём романе «Зинзивер» много страниц посвящено Москве перестроечной, впадающей в хаос и запустение. Не знаю, чем это объяснить, но чувствую какую-то вину перед Москвой. Москва всегда приходила мне на помощь. Особенно люблю Москву в мае. Где бы ни был, стараюсь май проводить в Москве. Не знаю, но если, например, «Московская правда» или «Вечерняя Москва» (эти газеты печатали мои рассказы, брали интервью) обозначат заказ, то не исключаю, что тряхну стариной.

Интервью провели Татьяна Белоножкина и Фёдор Юрин

25.04.2016